

Я не умею танцевать брейк

МОНОЛОГ
БЫВШЕГО
АКТЕРА

ЗА ЗАНАВЕСОМ смолкают голоса зрителей — это значит, что в зале медленно гаснет свет. На сцене уже минуты три темнота, лишь горит зеленый фонарик подсветки. Слышно дыхание партнера — затаенное, сосредоточенное. Занавес поднимается, и там, в зале, я вижу нити лампочек, еще не потерявших своего накала, слабо мерцающих на выпуклых боках лож и амфитеатра. Сейчас... Сейчас партнер выйдет в луч и скажет реплику. А за ним скажу я. А может, не скажу — смотря какой спектакль. Может, просто буду стоять у задника с алебардой (подносом, букетом, шлягой, ружьем). А может, меня в этот момент вообще на сцене не будет, а буду я болтать с гримером, ожидая своего выхода. А может, меня вообще не будет в театре, потому что я не занят сегодня. И буду я играть концерт, копать картошку на даче, ругать сына за грязные колени и ложиться спать, прикидывая, как бы завтра встать попозже и не опоздать на репетицию.

Впрочем, нет. Ничего этого не будет. Потому что два года назад я ушел из театра.

Ушел не в кино и не в концертную организацию. Я не стал руководителем драмкружка и не стал тамадой в ресторане, по Галину. Более того, в другой театр я тоже не перешел, хотя было с чем идти — за шесть лет работы актером я приобрел больше, чем потерял.

Работаю в другой организации, с театром никак не связанной. А в какой — не скажу, ни к чему это. Неважно.

Мнения моих бывших коллег о моем поступке разделились. Одни одобряют, другие считают меня изменником, и это справедливо, ибо искусству необходимо отдаться целиком, без остатка, и волна творчества должна была нести меня через все сомнения, семейные подводные камни, квартирные рифы, недоедание и недосыпание. Что им сказать?

Я ел зельц. Это может подтвердить про-

давица напротив. Я ел его в течение четырех лет работы, так как на желудок мне было наплевать, а проблема финансирования актерского труда и возможности в связи с этим кушать эскалоп меня тогда не волновала.

Я репетировал по ночам. Дома понимали — это святое. Я сыграл две главные, шесть солидных ролей, массу эпизодических и гордо стоял в массовке.

Я себя не щадил. Потом вырос сын и спросил, какая у меня профессия. Я ответил, что моя профессия — актер, на что сын сказал, что это не профессия, а так, одни прыжки.

— Посмотри, папа, ты же все время прыгаешь, — сказал мне он.

Я посмотрел и понял, что сын мой прав. Последние два года из шести я прыгаю, и вокруг меня тоже все прыгают.

Я посмотрел спектакли других театров. Там тоже прыгали. «Почему я прыгаю?» — спросил я себя.

Я заглянул в свой репертуар. В месяц у меня выходило тридцать четыре спектакля (с утренниками). Из них больше половины серых, сырых, никого не трогающих. Сумасшедшие разводки — на стационаре и в двух домах культуры одновременно. Малые гастроли в другие города.

На первое место, таким образом, выделил элементарный план. План двигал моими руками, ногами и голосовыми связками. План дергал ниточки, которыми я был искренне привязан к театру.

Бодрый директор на собрании: «Товарищи! Еще немного, и план наш! Поднажмем!» Актеры жмут. Едут, летят. В два ночи возвращаются в город.

Водитель автобуса: «Всем спать охота, по домам не повезу!»

Значит, такси...

Утром — репетиция. Обычно актерам на ней делать нечего. Основное — свет, музыка, какой-нибудь очередной шумовой эффект. «Пару, больше, больше пару!»

На сцене клубится пар. Артисты кашляют. Зрители — тоже. Зато современно.

В три кончается репетиция. До вечерней явки — три часа. Растанцовка, распевка и — в пар с головой.

Репертуар выбирается в угоду плану. Небольшая пьеса человек на пять. Главное — побольше прыжков. Сейчас в моде брейк. Театр должен идти в ногу с временем. Не умеешь делать кульбит? Плохо... Нет, учиться не надо, нет времени, план, план... Кто умеет делать кульбит? Ты? Хорошо, будешь играть.

Почему в творчестве теперь на первое место вылез план? Каждый, думаю, понимает, что план должен, должен существовать исподволь. О нем должны только догадываться и — работать. Почему артист нынче так много думает о проданных местах, дебите, кредите, о массе других, ему, артисту, ненужных вещей?

Да, конечно, от этого зависит премия, но она мала и на бюджет не оказывает существенного влияния.

Актер — профессия зависимая. Как будут сегодня думать о плане администрация и художественное руководство, так и артист будет думать.

Вот родился театральный эксперимент. Театр вроде бы получил самостоятельность. Но ставит ли эксперимент материальные вопросы на службу творчеству или наоборот?

Артисту прибавили зарплату. Что зарабатываешь — то твое, сказали артисту.

Артист начал зарабатывать. Как — порой неважно.

Хочу, чтобы клубы эффектного пара не затыкали то, ради чего идет зритель в театр. Очень хочу.

Я ушел из театра.

Мне сейчас снится, как за занавесом смолкают голоса, как в темноте сцены затаенно дышит партнер... Я вижу, как тихонько догорают ниточки накаливания в лампочках канделябров. Я даю реплику.

Я не умею танцевать брейк...

В. ВЕРШИНИН,
актер

ЛЕНИНГРАД

Это письмо из Ленинграда можно было бы не выносить на полосу. А автору ответить так: не умеете танцевать брейк? Так научитесь, коли брейк сейчас в моде и его танцуют всюду, в том числе, разумеется, и на театральной сцене. А можно даже этого совета автору не давать — в конце концов ведь из театра он ушел.

Но нам кажется, что монолог бывшего ленинградского актера В. Вершинина отнюдь не бесполезен в тех спорах о реорганизации театрального дела, которые были начаты в свое время на страницах «ЛГ» статьей Марка Захарова «Аплодисменты не делятся», продолжены на съезде театральных деятелей и продолжают идти. Споры эти имеют много аспектов. В том числе, например, и такой: как влияет план на творчество? Ставит ли театральный эксперимент проблемы материальной заинтересованности на службу творчеству — или же наоборот? И, наконец, какой ценой создается шлягер (об этом, в частности, уже шла речь в статье Н. Шехтер «Как создается шлягер», опубликованной в «ЛГ» 22 июля).

Возможно, описывая повседневную жизнь театра, В. Вершинин несколько сгустил краски. Даже наверное сгустил. Мы даже не знаем, настоящей ли фамилией он подписался — но обратите внимание, как выглядит сама подпись. Ушедший из театра человек по-прежнему считает себя актером. Письмо его пронизано любовью к театру, заботой о его будущем. Вот почему нам показалось, что монолог бывшего актера должен быть услышан.